

АРХИТЕКТОР ТИШИНЫ

АЛЕКСАНДР СОСНОВСКИЙ

Александр Сосновский

Архитектор тишины

<https://litres.ru/72645436>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центре захватывающего психологического триллера Архитектор тишины находится Марина Спицина, криминальный психолог Следственного комитета, которая сталкивается с серией жутких убийств молодых девочек. Преступления имеют почерк, сходный с методами серийного убийцы, любившего называть себя архитектором тишины, но тот уже несколько лет находится в тюрьме. Погружаясь в расследование, Марина понимает, что убийства каким-то образом связаны с её собственной трагедией - гибелью матери, свидетельницей которой она стала в детстве.

Повесть исследует границы между добром и злом, свободой и насилием, а также задает вопрос: что делает человека монстром и есть ли путь назад, когда заглядываешь в бездну слишком долго?

Содержание

ГЛАВА 1. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	4
ГЛАВА 2. МОРГ	18
ГЛАВА 3. АРХИВ	29
ГЛАВА 4. БЕЛЫЙ КАМЕНЬ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Сосновский

Архитектор тишины

ГЛАВА 1. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дождь шел третий день подряд – тяжелый, холодный, осенний. Тот самый дождь, который превращает Москву в серое пятно на карте, стирает лица прохожих и делает город похожим на декорацию к фильму о конце света. Монотонный шум воды, барабанившей по крышам и асфальту, создавал странную иллюзию, будто время застыло, а мир за пределами слезящихся окон размылся и утратил четкость.

Марина Спицина стояла у входа в заброшенное здание бывшей текстильной фабрики и смотрела на желтую оградительную ленту, хлопающую на ветру. Порывы ледяного воздуха выдергивали полиэтилен из рук молодого полицейского, который пытался закрепить его на ржавых столбах ограждения. Парень выглядел совсем юным, почти подростком. Наверное, только из академии.

«Место преступления. Вход воспрещен».

Слова, написанные на ленте, скрывались под струями до-

жды. Марине казалось, что они вот-вот совсем исчезнут, словно предупреждая: то, что внутри, не имеет названия. Не может быть классифицировано. Не помещается в привычные рамки.

Она поправила воротник плаща, но влага все равно пробиралась за шиворот, ледяными пальцами касаясь кожи. Промокшие волосы прилипли к лицу, и Марина машинально заправила прядь за ухо, только размазав влагу по щеке. Ей было тридцать два года, и она работала криминальным психологом в Следственном комитете уже пять лет. За это время она видела многое: расчлененные тела, жертв маньяков, результаты семейных драм, переросших в бойню. Научилась абстрагироваться, отделять себя от работы, не пускать ужасы, которыми была наполнена её профессиональная жизнь, в сны и мысли.

Но сегодняшний вызов заставил её руки дрожать еще в машине, когда Лыжин позвонил и сказал только два слова: «Приезжай. Срочно».

Что-то в его голосе – хриплость, надлом, почти неуловимая нота страха – заставило Марину выехать мгновенно, не спрашивая подробностей. За пять лет совместной работы она никогда не слышала, чтобы Дмитрий Лыжин, человек с нервами из стальных тросов, говорил так. Она проехала половину города за двадцать минут, нарушив, наверное, с десяток правил дорожного движения. Когда добралась до места, адреналин колотился в висках, заставляя сердце биться

чаще.

Дмитрий Лыжин стоял у входа, прикрывая сигарету от дождя. Его массивная фигура казалась несоразмерно большой рядом с хрупкими заграждениями. Майору полиции было сорок пять лет, но выглядел он на все пятьдесят пять. Лицо изборождено морщинами – каждая линия история, каждая складка между бровей бессонная ночь. Он был наставником Марины, когда она только пришла в отдел. Человек, который не просто учил, но и защищал её от того, с чем им приходилось сталкиваться. Научил её главному правилу: «Не пытайся понять убийцу. Пытайся понять жертву. Тогда найдешь того, кто её убил».

Обычно он встречал Марину легкой полуулыбкой, саркастическим комментарием о её вечных опозданиях, шуткой о том, что женщины в хорошей форме должны парковаться с первого раза. Сегодня он молчал. Глаза потухшие, веки опущены, как будто боялся встретиться с ней взглядом.

– Готова? – спросил он, затягиваясь. Дым смешался с паром изо рта, создавая странное впечатление, словно он горит изнутри.

– Насколько плохо? – Марина уже знала ответ по его глазам. По тому, как он держал плечи, чуть наклонившись вперед, словно против невидимого ветра.

– Хуже, – ответил он после долгой паузы, и в этом коротком слове Марина услышала нечто такое, что заставило её сглотнуть сухим горлом.

Они прошли через разбитую дверь внутрь фабрики. Запах старого кирпича, влажной пыли и чего-то химического ударил в нос. Здание пустовало лет пятнадцать – сначала его планировали снести, потом продать, потом забыли. Идеальное место для того, что никто не должен был увидеть. Ничьи глаза, ничьи уши. Только стены, которые простояли здесь с советских времен и видели всякое: и трудовые подвиги, и годы запустения, и деградацию района, и диких подростков, ищущих места для инъекций и секса; и вот теперь – это.

Марина смотрела на заваленные мусором коридоры, подмечая странную тишину, повисшую внутри, несмотря на постоянный шум дождя. Фабрика слишком большая, слишком пустая. Её шаги отдавались эхом от бетонных стен, будто крики в безлюдных горах. Она узнавала это ощущение, это замирание между лопаток – так бывает всегда, когда подходишь к границе, за которой нормальность, обыденность уже не существуют. Там, впереди, начинается территория тьмы. И, хотя они с Лыжиным ходили туда не раз, каждый визит был как первый. Каждый раз это чувство возвращалось.

– Где все? – спросила она, заметив отсутствие суеты, обычно сопровождающей обнаружение тела.

– Второй этаж, восточное крыло. – Лыжин держал фонарик, освещая путь. Электричества здесь давно не было. – Мы сделали все тихо. Никаких внешних групп, минимум людей. Даже шефу не позвонили, пока ты не увидишь.

Это насторожило. Лыжин был педантом в плане проце-

дур. Всегда по инструкции, всегда с полным оформлением и отчетностью. Что могло заставить его изменить своим принципам?

Они поднялись по шаткой лестнице, держась за влажные перила. Внутри работали криминалисты в белых комбинезонах. Немного, человек пять. Все знакомые лица. Свет прожекторов бил в глаза, создавая резкие тени на стенах. Марина слышала щелчки камер, приглушенные голоса, скрип половиц под ногами.

А потом она увидела комнату.

Контраст был настолько резким, что на мгновение ей показалось, будто она переместилась в другое здание или даже в другую реальность. Посреди промышленного хаоса, среди ржавых станков и осыпающейся штукатурки, кто-то создал идеальную белую комнату. Пол выстлан белыми простынями, без единой складки, идеально ровно. Стены завешаны белой тканью, как театральные кулисы. Каждая складка, каждый изгиб просчитан, срежиссирован. В центре – детская кровать, тоже белая. Даже воздух здесь казался другим: стерильным, неподвижным, словно в операционной или в музее.

На кровати лежала девочка.

Марина подошла ближе, заставляя себя дышать ровно. Вдох-выдох. Профессиональная отстраненность – единственный способ не сойти с ума в этой работе. Она чувствовала на себе взгляд Лыжина, оценивающий, наблюдающий.

Он беспокоился за неё, и это раздражало. Она не новичок, дважды в неделю посещает психолога, соблюдает все протоколы эмоциональной гигиены.

Девочке было лет двенадцать. Светлые волосы аккуратно расчесаны и разложены на подушке, как у куклы в витрине дорогого магазина. Она была в белом платье, почти подвенечном, только маленьком, детском. Руки сложены на груди, как у покойницы в гробу. Глаза закрыты, лицо безмятежное, словно во сне.

Вокруг кровати – круг из белых роз. Сотни роз, каждая развернута так, чтобы смотреть на девочку, формируя идеальный ореол вокруг постели. Их аромат, сладкий и густой, перебивал запах сырости и разложения, наполняя воздух смесью царственной красоты и смерти.

– Личность установили? – спросила Марина, не отрывая взгляда от лица девочки, стараясь запомнить каждую черту. Она всегда делала это: запоминала жертв, сохраняла их образы, словно обещая, что их смерть не будет напрасной.

– Алина Соколова, двенадцать лет, – ответил Лыжин, доставая блокнот из внутреннего кармана куртки. Она заметила, что его пальцы слегка дрожат – ещё один тревожный признак. – Пропала пять дней назад по дороге из школы. Частная художественная школа на Таганке. Мать отвернулась на секунду у магазина – девочка исчезла. Никаких свидетелей, никаких камер в той точке. Как будто испарилась.

Марина присела рядом с кроватью. Лицо девочки было

спокойным, почти умиротворенным. Как будто она заснула и сейчас проснется, удивленно хлопая длинными ресницами, спрашивая, где она и что случилось. Но синеватый оттенок кожи, неподвижность грудной клетки говорили об обратном.

Смерть, даже такая эстетизированная, всегда выдает себя. Смерть не умеет притворяться жизнью, как бы ни пыталась.

– Она не выглядит... – Марина подбирала слова, чувствуя, как сознание сопротивляется тому, что видят глаза. – Не выглядит так, будто страдала.

– Это самое страшное, – сказал Лыжин, и его голос звучал глухо, словно сквозь вату. – Посмотри на руки.

Марина аккуратно приподняла рукав платья. На запястьях – следы от мягких наручников. Не грубо, не жестоко. Почти нежно, если такое слово вообще применимо к ситуации. Кожа не была ободрана, не было следов борьбы. Как будто девочка сама позволяла связывать себя, не сопротивляясь.

Это не вязалось с обычными похищениями. Дети борются, всегда. Даже самые запуганные. Это инстинкт, глубинная программа выживания. Если только...

– Наркотики? – спросила Марина.

– Предварительно да. Токсикология еще не готова, но эксперт сказал – похоже на смесь седативных и галлюциногенов. Держали её в полусознательном состоянии.

Марина поежилась. Представила себе этот ужас: сознание, затуманенное наркотиками, и кто-то, кто манипулирует то-

бой, словно куклой в кукольном театре.

А потом она увидела оригами – белая птица, журавль. Идеально сложенная фигурка лежала на груди девочки.

– Есть еще кое-что, – Лыжин кивнул на стену, не глядя в ту сторону, словно боялся того, что показывал.

Марина повернулась. На белой ткани, которой была завешена стена, кто-то написал красным, аккуратными, словно выверенными по линейке буквами:

$$\langle \sigma = \sqrt{[(\sum(x-\mu)^2)/N]} \rangle$$

Формула. Математическая формула, написанная кровью.

– Это стандартное отклонение, – прошептала Марина, и её сознание профессионала начало работать, анализируя увиденное. – Формула вычисления стандартного отклонения в статистике.

– Что это значит? – Лыжин подошел ближе. Его дыхание заставляло шевелиться ткань, из-за чего формула, написанная на ней, казалась живой, шевелящейся, как змея.

– Это способ измерить, насколько данные отклоняются от среднего значения. Отклонение от нормы. – Марина почувствовала, как по спине пробежал холод, как в детстве, когда она слушала страшные истории под одеялом с фонариком. Только теперь монстры были реальны. – Он пытается что-то сказать этой формулой. Что-то о... нормальности? Об отклонениях?

В голове начали складываться кусочки, но картинка была слишком пугающей, чтобы сразу её принять. Убийца обра-

зованный, расчетливый. Каждый элемент на месте преступления – это символ, часть послания. Ничего случайного.

Один из криминалистов подошел к ним. Эдуард Песков, патологоанатом, с которым они работали последние три года. Обычно сдержанный, сегодня он казался напряженным, бледным.

– Доктор Спицина? Вам нужно это увидеть.

Он провел её к дальнему углу комнаты. Там, на белой ткани, были вырезаны символы. Не написаны – именно вырезаны, аккуратно, скальпелем или очень острым ножом. Тонкие прорезы в ткани, похожие на ритуальные символы.

Марина узнала эти символы. Она видела их раньше. Несколько лет назад, в другом деле.

Руны. Не настоящие древние руны, а псевдомистические символы, которые один человек использовал для «маркировки» своих жертв.

Алексей Шаманаев.

Архитектор.

Имя всплыло в памяти как пузырь из трясины. Дело, которое изучали в академии как пример манипулятивного убийцы, который никогда не прикасался к своим жертвам физически, но убивал их словами.

– Боже, – выдохнула Марина, чувствуя, как пол начинает уходить из-под ног.

– Ты его узнаёшь? – Лыжин стоял рядом, наблюдая за её реакцией. Профессиональный взгляд, изучающий.

– Это его символика. Шаманаева. Но это невозможно. Он в тюрьме уже несколько лет. – Марина покачала головой. – Пожизненное заключение в «Белом Камне». Одиночная камера. Полная изоляция.

– Я знаю, – Лыжин закурил прямо в помещении, плюнув на все правила о сохранении места преступления. Это лучше всего показывало, насколько он выбит из колеи. – Поэтому ты здесь.

– Подражатель? – Марина посмотрела снова на тело девочки, на весь этот театр, созданный убийцей. – Но знает о деталях Шаманаева только узкий круг людей. Суд проходил в закрытом режиме, чтобы избежать подражателей.

– Да. Но журналисты все равно написали достаточно. А интернет помнит все, даже заблокированные статьи. – Лыжин наклонился к самому уху Марины, почти шепча: – И есть ещё кое-что. Что-то, о чем знают только те, кто работал над делом.

– Что?

Он кивнул в сторону, отводя Марину от остальных.

– Когда Шаманаева арестовали, он сказал: «Я не один. Мои идеи будут жить. У тишины много архитекторов». Мы думали, это бред, обычные угрозы пойманного психопата. Но что, если он действительно имел в виду последователей? Учеников? Людей, которые разделяют его философию?

– И кто-то из них решил продолжить его работу. – Марина обошла комнату по периметру, записывая в блокнот каждую

деталь, фотографируя мысленно, сохраняя картину в памяти. Это их ритуал с Лыжиным – она обрабатывает детали, он общается с людьми. Он – сила, она – мозг. Так они шутили раньше.

Белые розы – Шаманаев всегда использовал белые цветы. В его философии белый был цветом «чистоты» и «избавления от боли». Оригами – это тоже его почерк, он складывал бумажные фигурки во время допросов, его пальцы никогда не останавливались, создавая из листа бумаги крошечных птиц, цветы, животных. Символы на ткани. Формула на стене.

Но было что-то еще. Что-то новое.

– Лыжин, освещение здесь какое было, когда нашли тело?

– Никакого. Абсолютная темнота. Мы принесли прожекторы. – Он удивленно посмотрел на неё, но уже догадывался, что она увидела что-то, пропущенное остальными.

– Выключите их.

– Что?

– Выключите свет. На минуту.

Лыжин колебался, затем скомандовал. Криминалисты переглянулись, но подчинились. Прожекторы погасли один за другим. На несколько секунд воцарилась полная темнота, абсолютная, как в пещере.

Затем кто-то включил ультрафиолетовую лампу.

И комната ожила.

На стенах, на полу, на потолке – надписи. Десятки, сотни

слов, написанных специальным составом, видимым только в УФ-лучах. Они покрывали каждый сантиметр белой ткани, змеились, переплетались, создавая жуткий узор из мыслей убийцы.

Марина читала, и её тошнило.

«Чистота»

«Невинность»

«Спасение»

«Освобождение»

«Боль – это любовь»

«Тишина – это храм»

«Дети – незавершенные проекты Бога»

И в центре, над кроватью, крупными буквами:

«ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ, МАРИНА?»

Её имя. Её имя на стене места преступления.

Комната завертелась перед глазами. Марина почувствовала, что падает, но крепкая рука Лыжина поддержала её.

– Включите свет, – сказала она, и голос прозвучал чужим, хриплым от ужаса.

Когда прожекторы вспыхнули снова, Марина увидела, что Лыжин смотрит на неё с тревогой. Его глаза, обычно холодные и профессиональные, сейчас полны беспокойства. И чего-то ещё, что она не могла прочесть.

– Это послание тебе? – спросил он тихо, так, чтобы другие не слышали.

– Я не знаю. Я не знаю, кто это мог написать. – Она изо

всех сил пыталась сохранить профессиональный тон, не позволить страху просочиться в голос.

Но она лгала. Она знала, что происходит. Это было послание. Игра. Вызов.

Кто-то копировал Алексея Шаманаева. Но при этом знал её имя. Знал, что она будет здесь. Знал, что именно она увидит надписи.

Кто-то следил за ней. Изучал её. Готовился к этой встрече.
– Мы найдем его, – сказал Лыжин, и его голос звучал как клятва. – Кем бы он ни был. Обещаю.

Марина кивнула, заставив себя выпрямиться, отстраниться от его поддержки. Она должна быть сильной. Должна мыслить ясно. Не позволять страху затуманивать разум. Не позволять убийце играть на её эмоциях.

Потому что одно она знала точно – это только начало. Послание было слишком личным, слишком тщательно подготовленным. Убийца не планировал останавливаться.

Это была первая сцена в длинной и страшной пьесе, и Марина, сама того не желая, стала главной актрисой.

Они вышли из фабрики час спустя. Дождь закончился, но небо осталось низким, серым, будто потолок старого дома. Тело Алины Соколовой увезли в морг, криминалисты закончили работу на месте, собрали все возможные улики. Теперь начиналась бюрократическая часть процесса: формы, заполнение, процедуры.

Но прежде чем сесть в машину, Марина бросила послед-

ний взгляд на здание фабрики. И на мгновение ей показалось, что она видит фигуру в одном из разбитых окон верхнего этажа. Кто-то наблюдал за ней.

Просто тень. Игра света. Ничего больше.

Но тревожное чувство осталось. Ощущение, что этот кто-то смотрит на неё. Изучает. Ждет.

И имя этому чувству – страх. Чистый, первобытный страх, который не может ни объяснить разум, ни успокоить логика. Страх, который говорит: беда идёт, и она идёт за тобой.

ГЛАВА 2. МОРГ

Патологоанатомическое отделение находилось в подвале Главного бюро судебно-медицинской экспертизы. Громоздкое здание 1970-х годов, серый бетонный фасад, скрывающий за собой лабиринт коридоров, кабинетов и затхлых архивов. Из окон первого этажа были видны чахлые деревья во внутреннем дворе, мокрые от ночных дождей и блеклые в утреннем свете. Скамейки, когда-то выкрашенные в зеленый, облупились, и сквозь слои старой краски проступало рыжее дерево – как будто саму скамейку охватила какая-то кожная болезнь.

Марина ненавидела это место. Не из-за трупов – к ним привыкаешь. К запаху формалина тоже можно притерпеться, как привыкают к любым, казалось бы, невыносимым условиям. К лампам дневного света, делающим лица живых похожими на мертвецов, к гулкому эху шагов по кафельному полу, ко всему этому профессионал приспособливается. Но что-то в самом воздухе морга вызывало у неё физическую реакцию отторжения – запах, который впитывается в одежду и остается с тобой часами после ухода. Запах смерти, концентрат всего того, что напоминает о хрупкости человеческой жизни и конечности существования.

Она пришла рано утром, сразу после бессонной ночи. По-

пытки заснуть были тщетными: стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором возникала белая комната, символы на стенах, лицо девочки. И эта надпись: «ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ, МАРИНА?»

От этих слов мурашки сбегали по позвоночнику. Убийца знал её имя. Знал, что она будет расследовать это дело. Вся инсценировка была создана для неё, как подарок, как приглашение к игре.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, она залила в себя две чашки крепкого кофе, попыталась поработать с материалами, благо, Лыжин скинул ей предварительные отчеты криминалистов. Но слова плыли перед глазами, составляя странные узоры, похожие на сообщения, которые видит истощенный мозг: несуществующие значения, паттерны, которых нет. К трём часам ночи она сдалась, приняла душ и решила, что лучше явиться в морг пораньше, чем продолжать безуспешно бороться со своими демонами.

Вскрытие Алины Соколовой было назначено на девять утра. Марина хотела быть там. Не потому что это входило в её прямые обязанности – анализ психологического профиля преступника обычно не требовал физического присутствия при аутопсии. Но Марина давно усвоила, что ответы всегда в деталях. И очень часто эти детали находятся внутри. То, как убийца обращался с телом жертвы, может рассказать опытному психологу больше, чем десятки интервью и тысячи страниц материалов дела.

Она прошла через контрольно-пропускной пункт, показав удостоверение угрюмому охраннику. Спустилась в подвал, где находился морг, и сразу почувствовала перемену температуры – здесь всегда было прохладнее, чем в остальном здании. Стерильно и безлично, как внутри холодильника.

Доктор Елена Сергеевна Власова ждала её в коридоре. Патологоанатом с тридцатилетним стажем, женщина лет пятидесяти пяти, с седыми волосами, собранными в строгий пучок, и внимательными карими глазами. Она была легендой в своей области – могла определить причину смерти по мельчайшим признакам, которые другие просто не замечали. Но главное, у неё был талант оставаться человеческой в работе с мёртвыми, не превращаться в равнодушный механизм, перемалывающий трупы.

– Доброе утро, Марина, – поздоровалась она, когда Марина вошла в предбанник. – Или правильнее сказать «доброе» в кавычках, учитывая обстоятельства.

Она заметила тёмные круги под глазами Марины, общую бледность и напряжённость в плечах – признаки бессонной ночи и психологического давления.

– Доброе, Елена Сергеевна. – Марина натянула одноразовый халат и маску, методично готовясь к тому, что должна была увидеть. – Что можете сказать?

Они прошли в секционную, стерильно белую комнату с металлическими столами, хирургическими лампами и стенами, выложенными плиткой. На центральном столе лежало

тело девочки, белая простыня деликатно прикрывала её.

Тело Алины Соколовой казалось совсем маленьким на огромном металлическом столе под ярким светом ламп. Без белого платья, без роз, без всей той жуткой инсценировки оно выглядело просто хрупким и беззащитным. Станный контраст: на месте преступления тело было частью театральной постановки, почти произведением искусства в извращенной логике убийцы. А здесь, на столе в морге, это была просто мертвая девочка. Человек, который больше никогда не откроет глаза, не улыбнется, не заплачет.

Марина почувствовала, как сердце сжалось от этого осознания. Все их профессиональные разговоры об уликах, профилях и доказательствах не должны заслонять главное: человека уже нет. Жизнь оборвалась.

– Предварительные результаты интересные, – Власова надела очки и взяла планшет, листая заметки. – Время смерти – примерно восемнадцать часов назад. Причина смерти – остановка сердца, вызванная введением лекарственного препарата.

– Какого именно? – Марина взяла предложенные ей перчатки. Тонкий латекс казался недостаточной преградой между жизнью и смертью, но это была необходимая иллюзия защиты.

– Токсикология еще не готова полностью, но по косвенным признакам – комбинация барбитуратов и опиатов. Смесь, которая вызывает глубокий сон, переходящий в ко-

му, а затем – остановку дыхания. Смерть наступает мирно, без боли, почти незаметно для самой жертвы.

– Как эвтаназия, – тихо сказала Марина, и это слово повисло в стерильном воздухе секционной, словно капля чернил в чистой воде.

– Именно, – Власова подошла ближе к телу, жестом приглашая Марину подойти. – Но это не все. Смотрите сюда.

Она указала на руки девочки. Марина уже видела следы от привязывания на месте преступления, но теперь, при ярком свете, было видно больше.

– Она была привязана долго. По характеру следов – не менее трех дней, вероятно, все пять, с момента похищения. Возможно, шелковыми лентами или бархатными ремнями. Заметьте, кожа не повреждена, нет признаков борьбы или попыток освободиться.

– Почему она не сопротивлялась? – спросила Марина, хотя уже подозревала ответ. – Её держали в сознании?

– Да, но в изменённом состоянии. И вот что странно. – Власова подсветила фонариком глаза девочки, осторожно отводя веко. – Видите? Зрачки расширены неравномерно. Это признак воздействия определенных психотропных веществ. Она была под действием препаратов, которые вызывают галлюцинации, изменение восприятия реальности.

Марина почувствовала, как сжимается желудок. Перед внутренним взором возник ужасающий сценарий: девочка, привязанная к кровати, сознание затуманено наркотиками,

реальность искажена, а рядом кто-то, кто внушает ей что-то, отравляя не только тело, но и разум.

– Её пытали психологически, – выдохнула она, сдерживая дрожь в голосе.

– Скорее, «перепрограммировали», – Власова сняла очки, протерла их, словно давая себе время сформулировать мысли. – Марина, я работаю здесь три десятка лет. Видела жертв всех видов насильственной смерти: от бытовых убийств до изощённых пыток. И это один из самых странных случаев. Физически эта девочка не пострадала. Нет насилия, нет следов побоев, нет признаков сексуального насилия. Её кормили, за ней ухаживали. Посмотрите на ногти – чистые, подстрижены. Волосы вымыты. Даже зубы почищены незадолго до смерти.

– Он заботился о ней? – Марина пыталась понять логику убийцы, и эта забота о жертве была ключом к его мотивации.

– Именно. Как о пациенте. Или... как о дочери.

Власова осторожно повернула тело на бок, показывая спину. На коже, едва различимые без увеличения, были вырезаны символы. Те самые руны, которые Марина видела на ткани в импровизированной «комнате».

– Эти порезы сделаны скальпелем, – продолжала Власова, показывая на экране увеличенное изображение одного из символов. – Точность хирургическая. Глубина – ровно два миллиметра, не больше, не меньше. Режущий инструмент обрабатывался антисептиком перед каждым надрезом. Нет

инфекции, нет воспаления.

– Медицинские навыки? – Марина поймала взгляд Власовой, и та кивнула.

– Определенно. Либо врач, либо кто-то с медицинским образованием. С опытом работы с тонкими инструментами. Возможно, хирург, патологоанатом, лаборант – кто-то, кто привык к точности и аккуратности.

Марина достала телефон и сфотографировала символы. Нужно будет сравнить их с теми, что были в деле Шаманаева, найти отличия, если они есть. Это мог быть ключ к личности убийцы – насколько точно он копировал оригинал, насколько хорошо знал детали дела.

– Елена Сергеевна, это третья жертва за два месяца. Предыдущие две – такая же картина?

Власова кивнула, и на её лице отразилась смесь профессионального интереса и человеческой скорби.

– Идентичная. Первая девочка – Варвара Светлова, одиннадцать лет, найдена месяц назад в заброшенном доме в Подмосковье. Белая комната, розы, символы. Вторая – Дарья Шилова, тринадцать лет, две недели назад в пустом складе в промзоне на востоке города. Та же схема. Обе – та же причина смерти, те же следы психологического воздействия, те же символы на коже.

Марина замерла. Три убийства с одинаковым почерком – это уже серия. Серийный убийца. И это означало, что будут новые жертвы, если они не остановят его.

– Какие-то отличия между случаями? Прогрессия, изменения в ритуале?

– Только одно, – Власова вернулась к планшету. – С каждой следующей жертвой количество символов на теле увеличивается. На первой девочке было пять. На второй – двенадцать. На этой – двадцать три.

– Прогрессия, – прошептала Марина. Математическое мышление убийцы снова проявлялось. – Он совершенствуется. Или... развивает свою историю.

В голове начала формироваться модель преступника: педантичный, методичный, с медицинским образованием, высокоинтеллектуальный. Возможно, считающий себя художником, а не убийцей. Создающий не преступления, а произведения искусства. Увеличение количества символов указывало на нарастающую потребность убийцы в самовыражении, в усложнении своего «послания».

– Еще один момент, – Власова подошла к столу с вещественными доказательствами. – Оригами-журавль, который был найден на груди Алины.

Она аккуратно развернула бумажную фигурку. Марина подошла ближе. Внутри, на одной из граней, был написан текст. Мелкий, аккуратный почерк, похожий на старомодную каллиграфию:

«Невинность – это не отсутствие знания. Это архитектура боли, которую мы строим, чтобы защитить детей от взрослого мира. Но что если эта архитектура – тюрьма? Что если

настоящая свобода – в освобождении от неё?»

Марина почувствовала, как холодок пробежал по позвоночнику. Она узнала эти слова. Она читала их в заключении психиатрической экспертизы по делу Алексей Шаманаева. Это была цитата из его дневника, найденного при обыске в его кабинете.

Слишком точное совпадение. Не могло быть случайным.

– Он не просто копирует Шаманаева, – сказала Марина, не скрывая тревоги в голосе. – Он продолжает его работу. Как ученик, подхвативший дело учителя.

– Вы знаете о деле Шаманаева? – Власова удивленно приподняла брови. – Это было до вашей работы здесь, если я правильно помню.

– Да, но мы изучали его в академии. Классический случай интеллектуального манипулятора. – Марина прикрыла глаза на мгновение, пытаясь упорядочить мысли. – Шаманаев был детским психиатром, который использовал свою профессиональную подготовку для манипуляции пациентами. Особенно теми, у кого были суицидальные наклонности. Не убивал физически, но внушал им идею самоубийства как «освобождения». Всего семнадцать подтвержденных жертв, все дети и подростки.

– Помню это дело, – кивнула Власова. – Тогда была большая шумиха. Пресса называла его «Архитектор тишины» из-за какой-то его фразы на суде.

– «Я не убийца. Я архитектор тишины. Я создаю про-

странства свободы от боли», – процитировала Марина, ощущая, как эти слова, даже произнесённые ею самой, вызывают внутреннее отторжение. – Психиатрическая экспертиза признала его вменяемым. Холодным, расчетливым психопатом с нарциссическим расстройством личности. Он все понимал, что делал. И верил, что оказывает своим жертвам услугу.

Власова осторожно сложила журавлика, возвращая его в первоначальную форму, и поместила в пластиковый контейнер для улик.

– И теперь кто-то решил продолжить его дело, – сказала она задумчиво. – Ученик, последователь. Или...

– Или сам Шаманаев каким-то образом руководит исполнителем извне, – закончила Марина. – Он в тюрьме, но это не значит, что он изолирован полностью. Есть письма, есть посетители. Возможно, он нашел кого-то внушаемого и дал ему инструкции.

Власова долго смотрела на маленькое тело на столе, и Марина видела в её глазах ту же эмоцию, что чувствовала сама: смесь профессионального азарта от сложного дела и человеческого ужаса от осознания, что где-то там, в городе, ходит человек, способный сделать такое. И, возможно, ищет новую жертву.

– Я проведу полное вскрытие, – наконец сказала Власова. – Загляну буквально в каждую клетку. Если там есть ещё какие-то подсказки, я их найду.

Марина кивнула, благодарная за профессионализм этой

женщины. Они обе понимали неозвученное: времени мало. Убийца следует определенному графику. Если они не найдут его в ближайшие дни, появится четвертая белая комната. Четвертая девочка, которая больше никогда не вернётся домой.

Выходя из морга, Марина почувствовала, как обрушилась усталость. Тело требовало сна, разум – покоя. Но она не могла позволить себе ни того, ни другого...

ГЛАВА 3. АРХИВ

Архив Следственного комитета находился в старом здании на Петровке. Классическая архитектура конца XIX века – лепнина на потолках, широкие коридоры, высокие окна, обрамлённые тяжелыми гардинами. Дань традициям и величию правоохранительной системы. А внутри – пять этажей пыльных папок, коробок с вещдоками, видеокассет и цифровых носителей. История московских преступлений за последние пятьдесят лет, записанная на бумаге, плёнке, дисках, хранящаяся в пронумерованных коробках, отсортированных по годам, типам преступлений и статусу дел.

Марина оставила машину на служебной стоянке, поздоровалась с охранником на входе – Михалыч, двадцать лет на посту, знал всех следователей в лицо – и направилась прямо в архив. Она не планировала этот визит заранее. Он был импульсивным решением, принятым после разговора с Лыжиным. Нужно было вспомнить детали дела Шаманаева, подготовиться к встрече с ним. А для этого нужно было погрузиться в материалы, освежить в памяти каждую деталь, каждый нюанс этого запутанного дела.

Марина спустилась на третий этаж, где хранились дела серийных преступлений. Коридор был слабо освещён, лампы дневного света издавали еле заметное жужжание. Пахло ста-

рой бумагой, пылью и почему-то карамелью – странный запах для места, где хранятся истории людского зла.

Архивариус, дедушка лет семидесяти с седыми усами и в очках с толстыми стёклами, дремал за столом, уронив голову на руки. Марина видела его здесь при каждом своём визите, и он всегда был в таком полусне, словно сохранял энергию, как древний компьютер в режиме ожидания. Она тихо прошла мимо, стараясь не разбудить старика – знала, где искать.

Серийные убийства, дела закрытые, но не истекшие сроком давности, 2010-2020 годы. Она долго просматривала пометки на коробках, пока не нашла то, что искала.

Дело № 47823/2016. Алексей Викторович Шаманаев.

Пять коробок. Объёмное дело, годы расследования, сотни свидетелей, тонны документов. Марина достала их и устроилась в читальном зале – крохотной комнатке с одним столом и настольной лампой. Идеальное место для погружения в чужие кошмары: тихо, изолированно, только ты и история человеческой деградации, закатанная в пластиковые файлы.

Первая коробка – протоколы допросов. Марина раскрыла папку и увидела фотографию.

Алексей Шаманаев. Сорок восемь лет на момент ареста. Среднего роста, худощавый, с тонкими чертами лица, которые совсем не вязались с образом серийного убийцы из мифов. Никаких демонических глаз, никакого зловещего оскала, ничего от того, что обыватели представляют, говоря о маньяках. Седые волосы аккуратно зачесаны назад, выда-

вая в их обладателе человека, заботящегося о своём внешнем виде. Лицо интеллигентное, почти профессорское. Серые глаза смотрели в камеру спокойно, почти с любопытством. Он выглядел как университетский преподаватель, а не как человек, отправивший семнадцать детей на тот свет. И, возможно, именно это и делало его по-настоящему страшным.

Марина перевернула страницу и начала читать биографию:

Алексей Викторович Шаманаев, родился 17 июня 1968 года в Москве. Отец – Виктор Анатольевич Шаманаев, инженер-конструктор на авиастроительном заводе, мать – Нина Алексеевна Шаманаева (урожденная Воробьёва), преподаватель музыки в детской школе искусств. Единственный ребенок в семье, родители развелись, когда Алексею было 13 лет. С детства проявлял выдающиеся способности к математике и естественным наукам. В школе характеризовался учителями как «исключительно одарённый, но замкнутый». МГУ, факультет психологии, окончил с красным дипломом в 1990 году. Защитил кандидатскую диссертацию по возрастной психологии в 1994 году. Тема: «Восприятие смерти в сознании подростков с посттравматическим стрессовым расстройством».

Работал детским психиатром в клинике «Светлый путь» четырнадцать лет (2001-2015). Пользовался репутацией блестящего специалиста. К нему направляли самых сложных па-

циентов – детей с травмами, депрессиями, посттравматическими расстройствами. Регулярно публиковался в профессиональных журналах, выступал на конференциях. Автор двух монографий по детской психологии: «За гранью травмы» (2005) и «Архитектура детского сознания» (2010).

В 2015 году начались подозрения. Трое детей, проходивших у него терапию, покончили с собой в течение шести месяцев. Слишком большое совпадение. Началось неофициальное расследование. В ходе него выяснилось, что ещё четырнадцать пациентов Шаманаева совершили самоубийства в период с 2005 по 2015 гг.

При обыске квартиры Шаманаева были найдены: дневники с подробными записями о «проектах» (так он называл своих пациентов), видеозаписи сеансов терапии, коллекция «сувениров» от пациентов (личные вещи, подаренные ему детьми или взятые после их смерти). Экспертиза показала, что Шаманаев систематически применял психологические техники манипуляции, внушая пациентам идеи о «бессмысленности существования» и «освобождении через смерть», доводя их до суицидальных состояний.

Всего – семнадцать подтвержденных жертв за десять лет. Возраст жертв: от 8 до 15 лет.

Психиатрическая экспертиза признала Шаманаева вменяемым. Диагноз: нарциссическое расстройство личности с элементами психопатии. Отмечено: «Исключительно высокий интеллект, осознание характера своих действий, особый

интерес к границам человеческой психики и переживанию смерти».

Приговорен к пожизненному заключению. Содержится в тюрьме особого режима «Белый Камень».

Марина отстранилась от документов, пытаясь собрать мысли. Сухие строки досье не передавали ужаса, который вызвало дело Шаманаева в профессиональном сообществе. Для многих было почти невозможно поверить, что уважаемый психиатр с безупречной репутацией мог так долго вести двойную жизнь. Что он систематически уничтожал тех, кому должен был помогать.

Она закрыла папку и открыла вторую коробку – видеозаписи допросов. Достала ноутбук, который принесла с собой, и вставила USB-накопитель, на который были скопированы все материалы.

На экране появился допросный кабинет. Серые стены, стол из тёмного металла, неудобные стулья, всё специально создано, чтобы допрашиваемый чувствовал себя неудобно. Шаманаев сидел за столом, руки в наручниках. Но, в отличие от большинства людей, оказавшихся в такой ситуации, он не выглядел подавленным или испуганным. Шаманаев сидел прямо, расслабленно, словно был не на допросе, а на деловом ужине.

Напротив него – следователь Каменев, опытный волк, который вел дело. Марина знала его по репутации: жесткий, методичный, известный тем, что мог расколоть самых непро-

биваемых подозреваемых. Но с Шаманаевым, как она помнила из материалов дела, даже у него возникли проблемы.

КАМЕНЕВ: «Алексей Викторович, вы понимаете, в чем вас обвиняют?»

ШАМАНАЕВ (спокойно, с легкой улыбкой): «В том, что я освобождал детей от страдания. Да, понимаю».

КАМЕНЕВ: «Вы довели до самоубийства семнадцать детей. Это не освобождение. Это убийство».

ШАМАНАЕВ: «А вы не задумывались, следовательно, почему эти дети хотели умереть? Они приходили ко мне уже сломленными. Мир сломал их – родители, школа, сверстники. Я просто показал им выход».

КАМЕНЕВ: «Какой выход? Смерть?»

ШАМАНАЕВ: «Тишину. Я показал им архитектуру тишины. Место, где не будет больше боли».

Марина остановила запись. Вот она, та самая фраза: «архитектура тишины». Именно так позже называли газеты дело Шаманаева. Словосочетание прочно вошло в массовую культуру, обозначая особый вид манипуляции, когда убийца не прикасается к своим жертвам, но разрушает их изнутри, мысль за мыслью, страх за страхом.

Она промотала к другому допросу, проходившему неделей позже. Шаманаев выглядел таким же спокойным, как будто обсуждал погоду или любую другую обыденность. Ничего в его внешности не выдавало того, что он находился под следствием за чудовищные преступления.

КАМЕНЕВ: «Зачем вы вырезали символы на теле жертв?»

ШАМАНАЕВ: «Это не символы. Это подписи. Каждый ребенок – произведение искусства. Художник подписывает свои картины, не так ли?»

КАМЕНЕВ: «Вы считаете себя художником?»

ШАМАНАЕВ: «Я считаю себя архитектором. Я строю пространства свободы в умах детей. И эти символы – чертежи этих пространств».

Марина почувствовала тошноту. Логика Шаманаева была безумной, но внутренне последовательной. Он действительно верил в то, что говорил. Или, что ещё страшнее, он создал эту логику специально, чтобы оправдать свои действия перед самим собой.

Следующая запись была сделана психиатром во время экспертизы. Обстановка была иной – светлый кабинет, кресла, расставленные так, чтобы между врачом и пациентом не было барьеров. Так обычно обустраивают пространство для терапевтических сессий, а не для допросов. Шаманаев, казалось, стал ещё спокойнее в этой привычной для него обстановке.

ПСИХИАТР: «Алексей, расскажите о вашем детстве».

ШАМАНАЕВ: «Прекрасное детство. Любящие родители, хорошая школа, много книг. Идиллия».

ПСИХИАТР: «Тогда откуда эта... философия смерти?»

ШАМАНАЕВ (после паузы): «Когда мне было восемь лет,

я нашел раненую птицу в парке. Голубь, крыло сломано. Я принес его домой, хотел вылечить. Но он кричал. Такой тонкий, жалкий крик. Три дня он кричал. А на четвертый умер. И знаете, что я почувствовал? Облегчение. Не за себя – за него. Он больше не страдал. И я понял: смерть – это милосердие».

ПСИХИАТР: «И вы решили применить это "милосердие" к детям?»

ШАМАНАЕВ: «Я работал с детьми двадцать лет. Видел их боль. Настоящую, глубокую боль, которую взрослые не замечают. Депрессия, тревога, травмы. И я думал: сколько из них доживут до тридцати, неся этот груз? Сколько станут такими же сломленными взрослыми, которые сломают следующее поколение? Я просто прервал цикл».

Марина выключила запись. У неё болела голова. История с раненым голубем повторялась во всех допросах – это был ключевой момент, на который Шаманаев опирался, объясняя свою философию. Но психиатры при анализе его детства не нашли подтверждения этой истории. Возможно, Шаманаев придумал её, чтобы создать логичное объяснение своим поступкам. Или, что ещё страшнее, эта история была правдой, и именно в тот момент что-то в нем сломалось, та тонкая грань, что отделяет сострадание от жестокости.

Она открыла третью коробку – фотографии с мест самоубийств. Тяжёлый материал, от которого сжимается сердце. Все семнадцать детей покончили с собой дома или в других

«безопасных» местах. Повешение, передозировка лекарств, прыжки с высоты, порезы вен. Разные дети, разные методы, но каждый раз рядом с телом были одинаковые элементы, оставленные самими жертвами по инструкции Шаманаева: белые цветы, бумажные фигурки оригами, символы, нарисованные на стенах.

Эти элементы и выдали Шаманаева в конце концов. Слишком специфичные, слишком повторяющиеся, чтобы быть случайными. Когда следователь Каменев заметил эту закономерность и связал её с тем, что все дети были пациентами одного психиатра, кольцо доказательств начало замыкаться.

Марина сравнила символы из дела Шаманаева с теми, что сфотографировала в морге. Идентичные. Абсолютно идентичные, вплоть до каждого изгиба, каждой линии. Подражатель знал не только общие детали, но и мельчайшие нюансы почерка Шаманаева.

Но Шаманаев сидел в тюрьме. Невозможно, чтобы это был он.

Значит, кто-то другой. Кто-то, кто знает о деле Шаманаева досконально. Кто изучил его методы до мельчайших деталей. Кто возможно, даже общался с ним.

Последователь.

Марина достала телефон и позвонила Лыжину.

– Дмитрий, мне нужен список всех, кто посещал Шаманаева в тюрьме за последние несколько лет. Полный, включая

адвокатов, родственников, журналистов, всех.

– Уже запросил, – ответил Лыжин, и в его голосе она услышала то же напряжение, что чувствовала сама. – Список довольно короткий. Шаманаев не любит посетителей. Говорит, что большинство людей «засоряют его ментальную экологию», что бы это ни значило. Но есть одна интересная деталь.

– Какая? – Марина придвинула блокнот, готовая записывать.

– Два месяца назад к нему приходил человек. Не родственник, не адвокат. Представился как журналист, пишущий книгу о серийных убийцах. Получил разрешение через суд после длительной процедуры. Встретился с Шаманаевым три раза.

– Имя? – Сердце забилося быстрее. Слишком удобное совпадение, чтобы не заметить связь.

– Кирилл Александрович Морозов. Социальный работник по основной профессии, журналистика – хобби. Написал несколько статей для психологических журналов, но книг не издавал. Тридцать пять лет, холост, проживает в Москве.

Марина записала имя, чувствуя, что это может быть прорыв в деле. Два месяца назад – как раз перед началом серии убийств. Социальный работник – доступ к детям и их досье. Все складывалось слишком хорошо.

– Проверь его тщательно. Где работает в данный момент, с кем контактирует, есть ли судимости, какое образование. И достань записи его разговоров с Шаманаевым.

– Уже работаю над этим. Но, Марина... – Лыжин помедлил, и она услышала, как он делает глубокий вдох, – ты уверена, что хочешь лезть в это дело? Шаманаев опасен даже через стекло.

– А у нас есть выбор? – горько усмехнулась она.

– Нет, – вздохнул Лыжин. – Ты права. Я заказал пропуск в «Белый Камень» на завтра. Десять утра, один час. Больше не дают.

– Спасибо, – сказала Марина, пытаясь не думать о предстоящей встрече с человеком, которого называли «самым опасным психопатом России».

– Марина, – голос Лыжина стал тише, почти интимнее, – будь осторожна. Шаманаев – не обычный убийца. Он проникает в голову. Найдёт слабые места и использует их.

– Я знаю.

– Нет, ты не знаешь, – настойчивость в его тоне заставила её насторожиться. – Следователь Каменев после серии допросов Шаманаева лег в психиатрическую клинику на два месяца. Непрекращающиеся кошмары, панические атаки. Психолог, проводивший экспертизу, до сих пор на терапии. У этого человека уникальная способность проникать под кожу, находить самые потаенные комплексы и страхи, и использовать их. Он – яд.

– Тогда хорошо, что у меня иммунитет, – попыталась пошутить Марина, но голос не слушался, выдавая её собственные опасения.

– Иммунитета к Шаманаеву не существует, – мрачно возразил Лыжин. – Есть только осторожность и подготовка. Поэтому сегодня и завтра ты готовишься. Изучаешь все материалы. Все его трюки, все его ловушки. Когда войдешь в комнату для разговора, ты должна знать о нем больше, чем он о тебе.

Они попрощались. Марина отложила телефон и вернулась к материалам. Лыжин не преувеличивал – случай Каменева был описан в досье. Опытный следователь, двадцать лет безупречной службы, расколовший десятки матерых преступников, после восьми допросов Шаманаева оказался в психиатрической клинике. Шаманаев методично разобрал его личность на составляющие, нашел ту самую тонкую трещину в психике, которая есть у всех, и давил на неё, пока Каменев не сломался.

Марина понимала опасность. Но также понимала, что у них нет выбора. Шаманаев – ключ к пониманию мотивов подражателя. И она должна была открыть эту дверь, несмотря на риск.

К вечеру она прочитала почти все материалы. Глаза болели от напряжения, спина ныла от долгого сидения в неудобном положении, но она чувствовала, что готова. Как солдат перед боем, как пловец перед погружением в неизведанные глубины.

Она вышла из здания на Петровке в вечерний город. Москва жила своей обычной жизнью: машины стояли в

пробках, люди спешили с работы домой, витрины магазинов призывно сверкали. Закат окрасил небоскребы Москва-Сити в розовый, и на мгновение они стали похожи на волшебные замки из сказки.

Странный контраст: эта обыденная красота и тот ужас, с которым она работала. Эта нормальность и то безумие, что пряталось за фасадами обычности.

Марина села в машину и поехала к себе домой, в небольшую квартиру в Хамовниках. По радио играла попсовая песня о любви, и эта банальность странным образом успокаивала.

Но как только она вошла в квартиру и заперла дверь, иллюзия нормальности рассыпалась. Она легла в кровать, но сон не шел. Она думала о Шаманаеве, о девочках, о символах, о том послании на стене: «ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ, МАРИНА?»

Кто-то знал её имя. Кто-то играл с ней в игру, правил которой она еще не понимала.

А в три часа ночи, когда она наконец начала проваливаться в беспокойный сон, телефон зазвонил.

Неизвестный номер.

– Алло? – сонно ответила она, не успев подумать, что в такое время звонят только с очень плохими новостями.

Тишина. Только дыхание на другом конце. Ритмичное, спокойное, словно человек медитирует.

– Кто это? – Марина села в кровати, сон мгновенно слетел,

адреналин впрыснулся в кровь, как будто организм осознал опасность раньше разума.

И тогда голос – низкий, спокойный, почти нежный:
– До встречи, Марина Спицина. Я жду вас так давно.
Гудки отбоя.

Марина сидела в темноте, сжимая телефон дрожащими руками. В голове эхом отдавался голос: "До встречи, Марина Спицина".

Это не был Шаманаев. Она слышала его голос на записях – другой тембр, другая интонация.

Это был подражатель. Звонил лично ей. Знал её имя, её номер телефона.

Игра началась.

И, похоже, она была мишенью с самого начала.

ГЛАВА 4. БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

Тюрьма особого режима «Белый Камень» находилась в ста двадцати километрах от Москвы, в лесистой местности Владимирской области. Отдалённость от населённых пунктов была не случайной – людей, содержащихся здесь, общество предпочитало изолировать максимально надёжно. Дорога к исправительному учреждению петляла между сосновых лесов, ухабистая и малоприметная, словно сама система не желала, чтобы случайные путники набрали на это место.

Марина вела машину сама, отказавшись от предложения Лыжина ехать вместе. Ей нужно было это время наедине с собой, два часа дороги для последних размышлений и подготовки. В салоне царила тишина – даже радио она не включала, предпочитая концентрироваться на предстоящем разговоре. Ночной звонок не давал покоя. Она пыталась восстановить голос в памяти, найти в нём знакомые нотки, но не могла. Холодный, спокойный, выверенный – как у диктора, читающего сводку погоды. Ни эмоций, ни личностных особенностей, которые можно было бы зацепить и опознать.

За окном проплывали монотонные пейзажи средней полосы: бескрайние поля, пятна лесных массивов, редкие деревеньки с покосившимися заборами и старыми яблонями в садах. Дождь прекратился, но небо оставалось низким и се-

рым, давящим, как крышка гигантской кастрюли. Осень наступала стремительно, смывая последние краски лета, превращая мир в акварель из серого и коричневого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.